

Глава 15. Я тебе настолько нравлюсь?

Раз уж даже Сяо Бай сумел прыгнуть вниз спасти хозяина, почему он не может? Он уже принёс меч Шифо. Значит, и сам должен спрыгнуть туда, чтобы отнести меч хозяину!

Сян Син зажмурился, стиснул зубы и всей своей гороподобной тушей рухнул вниз. Но чёрный туман над пропастью принял Цзян Тана, а его — нет. Над ущельем вспыхнула бесцветная световая завеса и с силой отбросила его обратно.

Отлетевшая назад «гора» с грохотом ударилась о землю, и по ней тут же побежали трещины.

— Хозяин... Сяо Бай... — Сян Син, обнимая меч, застыл в полном оцепенении.

Почему он не может спуститься? Почему только его не пускают? Сян Син снова бросился вниз и, как и следовало ожидать, снова был отброшен. Его швыряло назад раз за разом, пока он не выбил в земле целую яму. И только тогда, окончательно убедившись в собственном бессилии, сел у края пропасти и разрыдался.

— У-у-у, хозяин... Сяо Бай... умерли...

Зычный голос тут же перешёл в похоронное причитание.

А Цзян Тан, которого угораздило сорваться в эту пропасть, был потрясён ещё сильнее.

Чёрт, чёрт! Он же просто слегка страдал от укачивания и хотел слезть со здоровяка! Почему в итоге оступился?!

Ладно уж, оступился так оступился. Но почему пропасть такая глубокая, что он падает уже целую вечность и всё никак не долетит до дна?!

Всё, всё, ему конец. Сейчас он разобьётся насмерть, у-у-у! Он ещё совсем не нажился. Он ещё хотел выбраться из этого проклятого места, есть вкусное, пить вкусное, гулять где захочет. Он не может вот так умереть!

Ветер с воем бил ему в уши. Где-то очень далеко ещё слышался крик здоровяка, но с каждым мгновением он становился всё слабее, а сам Цзян Тан падал всё глубже и глубже. В этой чёрной бездне гнездились ужасные силы. Над ним одна за другой проплывали белёсые тени, на которых можно было различить размытые лица. Они сталкивались, металась вокруг и издавали жуткие звуки — то ли плач, то ли смех.

Каждый этот звук был пронзителен, будто его силой тащили в ледяную преисподнюю.

Скорбь, досада, ненависть, вражда, ярость... бесчисленные тёмные чувства разом хлынули из мрака, вопя и беснуясь, и поглотили Цзян Тана целиком.

Да это же пострашнее любого хоррора. В страшных играх максимум можно посмотреть на монстров, а он ещё и ощущал эту липкую, как кровь, злобу мстительных духов.

Будь на его месте какой-нибудь фанат ужастиков, тот бы, наверное, пришёл в восторг.

Но Цзян Тан был трусом.

Он даже не успел придумать себе предсмертных слов — просто потерял сознание от этого кошмара, навалившегося на него сразу со всех сторон.

* * *

Сквозь мутное забытьё Фу Линцзюнь вдруг почувствовал, как на лицо ему брызнула горячая кровь.

Чьё-то тяжёлое дыхание становилось всё громче, грудь резко вздымалась и опадала.

Перед глазами у него были родные, один за другим валяющиеся замертво. Уши были забиты надломленными, пронзительными криками. Запах крови в воздухе был таким густым, будто стал жидкостью, и, дыша, он словно пил кровь своих родных.

Самые гнусные, самые невыносимые для памяти картины, цепляясь когтями мстительных духов, миллиметр за миллиметром ввинчивались в его душу, рвали её и снова, снова соблазняли сорваться.

Первые годы после той резни Фу Линцзюнь не знал ни минуты покоя.

Душа его непрестанно выла. Стоило закрыть глаза — и перед ним вставали знакомые лица, залитые кровью. Он даже спать не мог, день и ночь натужно держал на привязи нервы, пока не сошёл с ума. В руках у него был тяжёлый меч Шифо, но грехов на нём оказалось больше, чем у любого асуры из ада.

Эти души, пропитанные чудовищной ненавистью, будто хотели врасти в его кости. Душу Фу Линцзюня раздирало каждый раз, когда он пытался успокоить их, а они яростно отбивались. Но теперь они были не просто свирепыми — в их бешенстве чувствовалось какое-то странное возбуждение, болезненное, безумное.

Не так. Возбуждение и безумие...

И вдруг среди душ, вьющихся вокруг него, он уловил едва различимый аромат. Что-то вроде сандала: сладковатый верх, густая середина и немного остроты в конце.

Благовоние Пылающей Души.

Так это было оно.

Фу Линцзюнь сразу вспомнил, как прежде ученики Цзэяна проникли в Гуанлин и раскладывали что-то по схеме пяти стихий и четырёх образов. Значит, всё было именно так. Пятиэлементный и четырёхобразный строй оказался лишь прикрытием. На самом деле они готовили формацию Пылающей Души. Сун Юнчжэн всё это и задумал.

Благовоние Пылающей Души сводило с ума тысячу триста двадцать шесть мстительных духов долины Тяньбэй. Они спокойно спали здесь все эти годы, но чужой расчёт заставил их безумно восстать. Сун Юнчжэн хотел, чтобы они сами растерзали друг друга и чтобы духи семьи Фу заживо разорвали его, Фу Линцзюня.

Что ж, вполне в духе Сун Юнчжэна. Именно такой подлости от него и следовало ждать.

С самого начала главным грехом Фу Линцзюня было одно лишь обладание сокровищем. Каждое его слово, каждое выражение лица просчитывали и использовали. А в конце, когда он потерял всё, они всё равно захотели протянуть к нему руки и отнять последнее, насытив собственную жадность.

Они были шайкой зверей, у которых подлость была написана на лицах.

От ненависти желание убивать поднялось в нём резко и яростно. Среди безбрежного чёрного тумана глаза Фу Линцзюня налились алым. И вдруг он стал очень тихим. Но эта тишина была страшнее прежнего бешенства.

Благовоние Пылающей Души доводило до ярости не только мстительных духов долины Тяньбэй — оно влияло и на Фу Линцзюня, чья душа и без того была изранена. Он стал похож на обнажённый клинок, весь в крови, жаждущий резни и готовый сорваться в любой миг. В таком состоянии, кто бы ни появился рядом, он без колебаний зарубил бы его.

И вот в тот самый миг, когда Фу Линцзюнь уже стоял на краю безумия, сверху в пропасть свалился Сяо Бай пушистый комок.

Он стремительно летел вниз, а белые мстительные души, с воем кружившие вокруг, в тот же миг сами расступились в стороны, словно перед до крайности мягким облаком, которого боялись коснуться.

Необычное движение духов привлекло внимание Фу Линцзюня.

Он поднял голову, и его алые глаза уставились на вторгшееся в этот мир нечто иное.

Фу Линцзюнь узнал Цзян Тана.

Увидев, что тот вот-вот грохнется на землю, он почти не думая протянул руку и поймал мягкое тельце на ладонь. И в тот миг, когда белая, искренняя душа опустилась ему в руку, резкая боль в голове и сводящая с ума жажда убийства вдруг начали стремительно отступать, словно морской прилив.

Словно лунный свет упал на только что бушующее море. Словно чья-то ласковая ладонь медленно провела по его волосам. Словно вернулся старый тихий полдень, когда в долине Тяньбэй смеялись и галдели родные, а младший брат потихоньку забрался к нему в комнату, пряча за спиной красивую бабочку, которую хотел показать...

Ощущение было непередаваемо странным. Рука, державшая зверька, едва заметно дрогнула.

...Как он вообще оказался здесь?

Алый цвет в глазах начал медленно темнеть, кровь из взгляда уходила. Подняв голову, Фу Линцзюнь посмотрел на чёрный туман, раскинувшийся над пропастью. Этот туман был и оковами, и барьером. Он должен был не подпускать сюда ни одно живое существо. Именно поэтому когда-то всё и было устроено так — чтобы, например, упрямец Сян Син не вздумал прыгнуть следом.

И всё же его это не остановило.

Фу Линцзюнь поднял комочек за шкурку и слегка встряхнул.

Мягкая шерсть дрогнула, а потом зверёк безвольно обмяк у него на ладони. Не проснулся.

— Тупая собака, — тихо сказал он.

Он знал, что этот пушистый комочек очень его любит. Уже при первой встрече тот без страха врезался ему в ноги. Потом скучал, когда не видел его, радовался, когда встречал, а когда бежал к нему, виляя хвостом, его душа даже переливалась такими яркими и тёплыми цветами, будто на небе вспыхнул закат.

Любовь без причин. Простая, честная, упрямая.

— Неужели я тебе настолько нравлюсь? — длинные пальцы гладили мягкую шерсть. От этого прикосновения холодная кровь, носившая мстительные души, будто начала понемногу теплеть. Неловкое, но совсем не неприятное онемение нитями расплзлось из глубины сердца по

всему телу.

На свете, наверное, нашлись бы пушистые зверьки и покрасивее, подумал Фу Линцзюнь.

Но такого — белого, маленького, с мягкими, как у кролика, длинными ушами и пышным хвостом, словно облако, — такого, что думает только о нём, смотрит только на него и даже готов прыгнуть в бездну вслед за ним, — такого больше не было ни одного.

— Ладно. Раз уж я тебе так нравлюсь, оставайся рядом со мной.

Он потёр мягкую голову и спрятал комочек обратно за пазуху.

А Цзян Тан, по воле судьбы одним неверным шагом навеки обречённый играть роль верного зверька, готового заслонить хозяина собой, в это время погружался всё глубже в бесконечный сон.

Он стоял в чёрном пространстве, и вокруг него проплывали один за другим круглые шары. Они были похожи на мыльные пузыри, вылетающие из игрушки, только переливались не цветами, а чёрным и белым.

Цзян Тан не понимал, где находится, и тревожно думал: неужели он всё-таки умер и теперь в подземном мире смотрит своё посмертное кино?

Но чем дольше он смотрел, тем яснее чувствовал: это вовсе не его воспоминания.

Изображения в шарах были не слишком чёткими, но различить можно было многое. Там была супружеская пара в старинных одеждах: высокий красивый мужчина и нежная, хрупкая женщина. Они о чём-то говорили. Рядом ещё был милый ребёнок. Никак не могло быть, чтобы это были воспоминания самого Цзян Тана.

Любопытство взяло верх. Он протянул лапу и ткнул один из шаров, чтобы проверить, лопнет ли он как настоящий пузырь. Но пузырь не лопнул. Он словно раскрылся у него перед глазами, и в следующий миг размытая чёрно-белая картинка стала цветной и ясной.

— Ха-ха-ха, Шэн-эр, не приставай ко мне, иди мучай отца, — красавица с улыбкой ткнула ребёнка в щёку, а потом кивнула на сидящего в стороне красивого мужчину. — В последнее время он раздобыл много хорошего и всё это спрятал от тебя.

Незнакомые слова приливом хлынули в голову Цзян Тана. После короткой ломящей боли он вдруг обнаружил, что понимает речь этой женщины! Он начал понимать человеческий язык!

Правда, не совсем гладко. Некоторые слова и выражения накладывались друг на друга

странными, почти ломаными кусками. Будто кто-то насильно засунул ему в голову огромный словарь. На каждое слово женщины в сознании всплывало сразу несколько близких переводов. Если медленно — ещё можно было кое-как сложить смысл. Если быстро — голова уже не поспевала.

Шаловливый ребёнок был белокожим и красивым, точно кукла. На вид ему было лет пять или шесть, но черты уже поражали. Тёмные глаза, густые ресницы, слегка приподнятые уголки — ясно было, что, когда вырастет, станет красавцем, способным свести с ума целую страну.

Хм. А ведь этот ребёнок чем-то смутно знаком. Как будто... как будто уменьшенная копия холодного красавца!

Стоило этой мысли появиться, и Цзян Тан уже не мог отделаться от ощущения, что так и есть. Только нынешний красавец во сне был ещё всего лишь маленьким избалованным сорванцом. Услышав слова матери, он тут же, топая ножками, подбежал к отцу, вскарабкался ему на колени и, обхватив руку, закачался из стороны в сторону:

— Папа, ты что, меня больше не любишь? Мама уже всё это видела, а Шэн-эр ещё нет! Давай, показывай скорее, показывай!

Мужчина нарочно изобразил обиду, потом с нежностью подёргал ребёнка за ушко, легко, совсем без силы.

— Шэн-эр скоро станет старшим братом, так что должен вести себя приличнее. Больше нельзя так шалить.

Но, говоря это, он всё же достал из тёмно-синей бусины у себя на поясе множество занятных вещиц. Барабанчик, украшенный самоцветами. Кузнечика, сплетённого из золотых нитей. Пёстрые книжки с картинками... вещей оказалось столько, что ими уставили весь стол.

Глаза мальчика вспыхнули. Он тут же схватил барабанчик и пару раз радостно им затряс, а потом побежал обратно к красавице-матери, осторожно прижался к ней и звонким детским голосом спросил:

— Мамочка, а когда младший братик уже появится?

Тонкий палец женщины коснулся его носа:

— Когда зимой пойдёт снег.

Картина сменилась, и мальчик стремительно вырос.

Лицо у юноши было уже зрелым и красивым. Чёрные волосы собраны высоко под нефритовой короной, а за спиной — тяжёлый меч, который был даже чуть выше его самого. Он почти ничем не отличался от того красавца, которого знал Цзян Тан. Разве что был чуть ниже, чуть тоньше, моложе. В нём оставалось больше юношеской солнечности и дерзкой, кипящей жизни.

Рядом болтался приземистый малыш. В отличие от приподнятых миндалевидных глаз старшего брата, у него были круглые, как абрикосовые косточки, глаза. Сам он тоже был кругленький, беленький и короткими ручонками тянул за одежду красивого юношу, зовя его старшим братом.

Юноша поднял руку и ласково растрепал малышу голову:

— Ещё немного подождём. Он вот-вот придёт.

Тот красавец, которого Цзян Тан знал в реальности, почти никогда не показывал живых чувств. Лицо у него всегда было холодное, безразличное, даже немного злое. А здесь он вдруг оказался таким живым.

Оказывается, он кого-то ждал.

Издали к ним со всех ног бежал пухлый подросток.

Заметив друга, юноша улыбнулся и махнул ему рукой. В его лице была вся дерзкая гордость юности:

— Чего ты так долго?

Подбежавший толстячок тяжело дышал. Он бухнул руку ему на плечо и, переводя дух, выдавил:

— Ну ты даёшь... Фу... Фу Шэн... я тут... чуть не сдох... а ты ещё... говоришь, что медленно...

А потом сунул в руки малышу свёрток с засахаренными фруктами:

— Маленький... предок... ты же именно из этой лавки хотел... твоего бедного толстого брата... совсем загнал...

При виде сладостей круглые глаза малыша тут же превратились в две щёлочки от счастья. Он взял пакетик, поблагодарил толстяка и начал с удовольствием есть.

Тот ещё немного отдышался, а потом уже нашёл силы устроить перепалку:

— Ты ещё смеешь говорить, что я медленно?! Будто сам не знаешь моего отца! Он меня и так дрессирует будь здоров! Тц... Если бы не ты со своей ненормальной скоростью в культивации, меня бы он каждый день носом не тыкал! Я и так с трудом выпросил выход из дома. Ты теперь у всех на языке как «чужой идеальный ребёнок», понимаешь? Меня каждый день с этим монстром сравнивают, а теперь ещё и ты на меня наезжаешь!

Значит, красавца звали Фу Шэн. Имя это показалось Цзян Тану знакомым, но он не смог сразу вспомнить, где его слышал, и потому продолжил смотреть.

Запасённые в шарах картины были короткими. Каждый пузырь хранил лишь один фрагмент. Цзян Тан лопал их один за другим и смотрел, как стремительно меняется жизнь Фу Шэна: от первых проявлений таланта до громкой славы.

Фу Шэн был врождённым высшим гением бессмертного дома Гуанлин. Из-за особого телосложения он с рождения впитывал духовную энергию неба и земли быстрее, чем обычные культиваторы добывали её за сотни лет. Он ещё ходить толком не умел, а уже был на ступени мастера Дао.

За сто лет — мастер Дао, за тысячу — бессмертный Дао, за десять тысяч — святой Дао. Фу Шэн прорвался к бессмертному Дао, когда ему не было и двадцати. На деле ему только-только исполнилось шестнадцать — небесный талант среди талантов.

До него подобный дар встречался лишь у ушедшего на покой святого Дао Чжуан Цина из секты Ваньтин. Все были уверены, что Фу Шэн станет вторым Чжуан Цином. Но дорога, выстланная цветами, оборвалась в день его семнадцатилетия.

Он вдруг без всякой причины сошёл с ума и убил подошедшего к нему родича.

От внезапной кровавой сцены Цзян Тан оцепенел. Из-за того что картины шли обрывками, он никак не мог понять, почему Фу Шэн начал убивать — и к тому же своих, одетых в одежды одного клана.

Все вокруг попятнулись.

В тот день гости, прибывшие в Гуанлин поздравить именинника, своими глазами увидели, как у Фу Шэна, чьи глаза налились кровью, тяжёлый меч Шифо отрубил голову одному из родичей. Голова и фонтан крови разлетелись в разные стороны, окатив стоящих рядом культиваторов.

Крики ужаса. Вздохи. Шум поспешно отступающих шагов. Грохот опрокинутых столов, разбитых чашек и блюд. Капли крови и вина, стекающие вниз. И поражённые голоса членов семьи Фу, примчавшихся на шум.

— Шэн-эр, что ты творишь?!

Старейшина семьи Фу ещё не успел оправиться от потрясения, а меч Шифо уже метнулся к нему.

Когда горячая кровь снова брызнула во все стороны, все окончательно поняли: Фу Шэн сошёл с ума. Совсем, безвозвратно.

Это была резня в одну сторону.

Врождённый высший гений бессмертного дома Гуанлин, юноша, чей уровень был недостижим для большинства культиваторов, оказался среди гостей без всякого противодействия. Никто не был готов. Один за другим люди падали под клинком Шифо.

И лишь тогда, среди этих чудовищных сцен, Цзян Тан наконец вспомнил, почему имя Фу Шэн казалось ему таким знакомым.

Именно великий демон из Гуанлина, Фу Шэн, ставший позже Фу Линцзюнем, в самом начале длинного сянься-романа «Дао в заточении» вырезал всю семью главного героя, Сун Цзиньяо.

В романе упоминалось и то, почему Фу Линцзюнь уничтожил Цзэян.

Тогда, стоя среди выжженных руин Цзэяна, он сказал главному герою, Сун Цзиньяо:

— Карма кругла, воздаяние неизбежно. Ты ведь до сих пор не знаешь, что когда-то сделал этот старый пёс Сун Юнчжэн, верно?

Он говорил именно о том, как самого Фу Линцзюня, подчинив разум, заставили с налитыми кровью глазами собственными руками убить тысячу триста двадцать шесть членов его же клана.

В том числе самых любимых родителей.

И младшего брата.

Нет, смотреть на это дальше Цзян Тан уже не мог. Эти картины сдавливали грудь так, что подступала тошнота. Он рванулся из сна — и, открыв глаза, увидел совсем близко лицо, от одной красоты которого можно было потерять разум.

Цзян Тан: ...

Оказывается, он лежал на ладони Фу Линцзюня.

После того как он собственными глазами увидел, из какой горы трупов вышел этот человек, и понял, что перед ним в прямом смысле слова безумец, ему вдруг показалось, что всё его прежнее поведение было чрезмерно смелым. Он хотел было встать, но ноги подломились, и он снова шлёпнулся обратно.

У-у-у... нет, ему страшно.

Фу Линцзюнь поднял руку к лицу и посмотрел на крошечный комочек, который от слабости даже ползти нормально не мог.

— Встань ровнее. Давай, — мягко сказал он.

Но только что заработавшее понимание языка у Цзян Тана всё ещё сбило. Слова расплывались, смыслы наслаивались друг на друга, и в голове у него почему-то сложилось совсем иное:

«Поцелуй... слегка?»

Куда поцеловать?

Нет, погодите. У этого великого демона что, ориентация настолько кривая? Он сейчас даже не человек!

Но Цзян Тан был трусом. Жалобно пискнул и всё-таки подчинился.

И Фу Линцзюнь увидел, как комочек у него на ладони, дрожа всем телом, с трудом поднимается на лапы, чуть приседает на задних, цепляется передними лапами за его лицо — и оставляет мягкий пушистый поцелуй у самого уголка его губ.

<http://bllate.org/book/17032/1600274>